

Всем, кто любит кота... Боба

Рейчел Уэллс

Алфи
и Джордж

Подарок от Боба (АСТ)

Рейчел Уэллс

Алфи и Джордж

«АСТ»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84 (4 Вел)-44

Уэллс Р.

Алфи и Джордж / Р. Уэллс — «АСТ», 2016 — (Подарок от Боба (АСТ))

ISBN 978-5-17-103651-5

Алфи – приходящий кот. Всех своих хозяев он сумел перезнакомить и крепко подружить между собой. Он желанный гость во многих домах и у него полно друзей. Но в его кошачьей жизни не все безоблачно. Хозяйка его лучшей подруги, кошки Снежки, уезжают, и увозят ее с собой. Алфи в отчаянии. Но вскоре времени на грусть у него совсем не остается – заботам Алфи поручают малютку Джорджа, крошечного трехцветного котенка. «Теперь ты – моя мама?», спрашивает он Алфи, и тому ничего не остается, как принять самое живое участие в судьбе своего подопечного.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (4 Вел)-44

ISBN 978-5-17-103651-5

© Уэллс Р., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Рейчел Уэллс

Алфи и Джордж

Rachel Wells

Alfie & George

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Diane Banks Associates Ltd.

Copyright © Rachel Wells, 2016

© А. Панина, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Лучшие истории о знаменитом коте

Кот по имени Алфи

Алфи – невероятный кот

Алфи. Все кувырком

Алфи. Вдали от дома

Джо, с любовью

Глава 1

– Это что еще за зверь? – Я посмотрел на свою подружку, кошку Снежку, и снова на странное существо.

Мы стояли у дощатого забора, которым был обнесен сад нашего летнего дома, и наблюдали, как кто-то расхаживает на той стороне. Зверь был упитанным, с очень острым клювом, а шерсть его топорщилась, будто перья. Он тараторил на нас злобными глазками, ныл противным высоким голосом и делал выпады в нашу сторону. Мне стало не по себе, и я отступил на шаг.

– Алфи, ну это же обычная курица! Разве ты их раньше не видел? – засмеялась Снежка.

Я обиделся, хотя и в самом деле впервые видел курицу живьем. Но раз уж в нашей паре сильной половиной считался я, надо было соответствовать.

– Шшш! – сказал я; пусть знает, кто тут главный.

Но тут курица кинулась на меня, хлопая крыльями и тряся маленькой головой. Я отскочил. Снежка снова рассмеялась и пощекотала меня хвостом:

– Она тебе ничего не сделает, Алфи, честное слово.

В это было трудно поверить.

– В Лондоне мне как-то не доводилось общаться с курами, – буркнул я и пошел прочь.

Место, где мы находились, называлось «загород» и было вполне симпатичным. Жили мы в полной глуши: на целые мили вокруг – одни поля. Моя семья – Джонатан, Клэр и Саммер – вместе со Снеллами, семьей Снежки, – Карен, Тимом, Дейзи и Кристофером – сняли этот дом на неделю и привезли нас с собой. Кошек обычно не берут в отпуск, поэтому мы решили, что нам повезло. Когда я рассказал приятелям, соседским котам, что уезжаю, они страшно удивились, но за городом пока было неплохо. Мне подумалось, что людям надо бы чаще возить кошек отдыхать. «Лучший отдых – смена обстановки», – говаривала моя первая хозяйка Маргарет и была права: неделя за городом – именно то, что ветеринар прописал.

Дом был большой, с пятью спальнями, а в гостиной имелся замечательный камин, перед которым по вечерам мы со Снежкой сворачивались клубочками. Очень романтичная обстановка; только время от времени вылетали искры, и за ними надо было следить, а то однажды Снежке чуть не подпалило ее пышный белый хвост.

Нам велели, если пойдем на улицу, не выходить из сада. Люди тревожились, что мы заблудимся – как будто кошка может заблудиться! Пока что мы их слушали и изучали только сам сад. В нем было красиво: интересные кусты и клумбы радовали глаз. Развлечений хватало, да и места для игр было несравненно больше, чем в крошечном садике, которым я обходился в Лондоне. И все-таки поля, раскинувшиеся снаружи, где жили куры, неудержимо меня манили. В конце концов, я был очень любопытным котом.

Снежку они привлекали гораздо меньше. До переезда в Лондон на улицу Эдгар-Роуд она была богатой кошкой. У ее семьи был загородный дом с огромным садом. Сейчас она перестала о нем говорить, а в начале нашего знакомства иногда хвасталась – она тогда вообще по-всякому норовила меня обидеть. Как бы то ни было, я покори́л ее сердце, и вот уже два года мы вместе. Лучшие два года в моей кошачьей жизни.

Поначалу все удивлялись нашему союзу, но кошки влюбляются так же легко, как люди, а может, даже легче. Уж в человеческих чувствах я разбираюсь, повидал немало.

Я – приходящий кот и считаю своей семьей самых разных людей. На Эдгар-Роуд я желанный гость во многих домах, и хозяев у меня хватает. Кроме Клэр и Джонатана я постоянно бываю у Полли с Мэттом и у своих поляков – Франчески и большого Томаша. Вот такой я востребованный кот.

Все свои семьи я сумел перезнакомить и крепко подружить между собой. С тех пор как я поселился на Эдгар-Роуд, там многое изменилось. Люди вообще склонны меняться или менять что-то в своей жизни, а кошкам остается терпеть – или вмешиваться, когда люди заходят слишком далеко. Я считаю себя ответственным за благополучие своих семей. Я был с ними и в радости и в печали, видел хорошие вещи, плохие и совсем безобразные и крайне серьезно отношусь к моим подопечным.

– Пора бы домой, я проголодался, – сказал я Снежке и облизнулся. Прямо съел бы ту курицу, не будь она такой страшной. С другой стороны, охотник из меня неважный, а Снежка для хищницы была слишком красивой. До сих пор помню нашу первую встречу – от восхищения я забыл, как дышать. И третий год ходил по ней с ума, словно котенок – вернее, словно взрослый кот.

– Давай наперегонки, – сказала она и сразу вырвалась вперед. Я припустил за ней, и у открытой задней двери мы, немного запыхавшиеся, оказались одновременно.

– А вот и вы, – улыбнулась нам Клэр с двухлетней Саммер на руках.

Мы тихо зашли на кухню. Клэр, несмотря на бурные протесты дочери, ловко усадила малышку в детский стульчик и поставила перед ней тарелку с кашей. Моя человеческая сестренка была, по словам Клэр, «тираншей», а Джонатан называл ее «девушкой с характером». Я очень любил Саммер: пусть порой она меня донимала и за хвост могла бы дергать пореже, никто меня так крепко не обнимал.

Саммер улыбнулась, взяла ложку и швырнула на пол. Эта игра ей никогда не надоедала, хотя, на мой взгляд, она ее уже переросла.

– Гьенка! – прокартавила она.

– Съешь кашку, тогда я тебе дам гренку, – строго ответила Клэр.

– Нет! – завопила Саммер и запустила тарелку с кашей на пол. Я, как всегда, забыл отойти от стульчика подальше – пришлось слизывать брызги с шерсти. Ничему меня жизнь не учит!

Я считал, что Саммер – тоже моя забота, даже когда ведет себя как тиранша. Джонатан, наш папа, не сердился, а говорил, что любит волевых женщин. Я был с ним согласен; как раз это мне нравилось в Снежке и моей лучшей подруге Тигрице. А вот Клэр, по-моему, от поведения Саммер была не в восторге. Впрочем, рождение дочери сделало ее такой счастливой, что я совсем перестал за нее тревожиться. Вернее говоря, тревожился не так сильно, как раньше.

Когда я поселился у Клэр, она только развелась и была в ужасном состоянии. Чтобы поправить дело, ушло немало времени и сил, но в итоге она познакомилась с Джонатаном, одним из моих двуногих, и сейчас они счастливо женаты и воспитывают дочку.

– Алфи, Снежка, завтракать, – нараспев позвала Дейзи, хозяйка Снежки, и выставила для нас миски с тунцом.

– Мяу, – поблагодарил я.

Дейзи была красавицей, высокой и очаровательной. Они со Снежкой чем-то напоминали друг друга: у обеих шерсть была совсем светлая. Хотя, конечно, у Дейзи была не шерсть, а

волосы. Дейзи уже исполнилось восемнадцать, и она стала работать фотомodelью. Успех пришел к ней довольно быстро, потому-то она и поехала с родными в отпуск: решила не упускать момент, пока есть такая возможность. Если все пойдет по плану, не исключено, что на семейный отдых скоро не останется времени. Когда она уходила на работу, Снежка скучала, но вместе с тем трогательно ею гордилась.

Шестнадцатилетний брат Дейзи, Кристофер, подошел к столу, критически оценил расстояние до Саммер и сел подальше, чтобы еда не долетела. Вот это правильный подход, не то что у меня.

Я завтракал и чувствовал себя совершенно счастливым. За исключением того, что другие мои семьи не присоединились к отпуску, все было идеально: со мной родные двуногие и, разумеется, моя обожаемая Снежка. Люди ели, болтали и строили планы на день, а меня прямо-таки распирало от радости – лучшей жизни и не придумаешь.

После завтрака солнце неторопливо вышло из-за туч, и прохладное утро превратилось в жаркий весенний день. Саммер играла в саду, разложив плюшевых мишек на коврике для пикника, а Клэр и Карен сидели рядом с ней, пили чай и разговаривали. Дейзи отправилась на пробежку, мужчины с Кристофером – в соседний городок за покупками, хотя Клэр говорила, что на самом деле они собрались искать пивную. Мы со Снежкой лениво разлеглись на прогретом солнцем пяточке травы.

– Вот это жизнь! – Я потянулся всеми лапами и перекатился на спину, подставляя пузо теплым лучам.

– Точно, – ответила Снежка. – Пойдем поищем бабочек, погоняемся за ними?

Меня не надо было долго упрашивать.

Все здесь отличалось от Лондона. И живности всякой больше, и в воздухе разлито умиротворение, какого я прежде не испытывал. Самое замечательное, что мы тоже им постепенно проникались. Люди не суетились, и это меня радовало, потому что в Лондоне такое случалось редко: обычно им не давали покоя дела и разные заботы. За последние несколько лет мы пережили нелегкие времена; моим подопечным со многим пришлось столкнуться. Переезд в другую страну, безуспешные попытки завести ребенка, послеродовая депрессия, травля в школе, тайны, несчастная любовь – чего только с нами не случилось. Я прошел с друзьями через все испытания и – скажу без ложной скромности! – немало им помог. По-моему, трудности только сильнее сплотили мои семьи; приятно было видеть, что жизнь наконец вошла в спокойное русло. Так бы и оставалось подольше.

Мы со Снежкой нашли клумбу, вполне подходящую для охоты на бабочек, и молча сели рядом. Мы так ладили, что часто обходились без слов. У меня даже возникало чувство, будто я читаю мысли Снежки, а она мои.

Бабочки в итоге так и не прилетели, зато появилась шумная пчела. Мы юркнули в клумбу и затаились, пока она искала хороший цветок и собирала с него, что ей нужно. Я от многих людей слышал, что пчелы полезны, но лучше к ним не лезть – они больно жалят.

Пчела с гудением улетела, а мы стали валяться на солнышке и вдыхать мягкий запах цветов. Сплошная романтика.

– Алфи, я никогда не была так счастлива, как с тобой в отпуске, – промурлыкала Снежка и тронула меня за лапу. Я смотрел на свою любимую, и меня переполняли самые нежные чувства.

– Я тоже никогда не был так счастлив, – сказал я совершенно искренне.

Глава 2

Саммер играла в мяч с Кристофером. За столом он относился к ней настороженно, зато в остальное время иногда соглашался ее развлекать.

– Кидай мячик, Саммер, – сказал Крис.

Саммер прижала мяч к груди и замотала головой, потом положила мяч на землю и села на него. Кристофер рассмеялся. Я подошел и ткнул мяч лапой, Саммер захихикала, потеряла равновесие и свалилась. Под хохот малышки я улегся рядом на траве и стал щекотать ее хвостом. Краем глаза я увидел, что к нам идет Джонатан.

– Да, ребята, играть за «Челси» вам пока не светит, – весело сообщил он, подхватил Саммер на руки и начал ее кружить.

– Джон, она только что позавтракала, ее стошнит, – сказала Клэр, подходя к нам.

Я встал, потянулся, слизал с шерсти налипшие травинки.

– Какой ужас, – Джонатан поднял брови. Мы с ним украдкой обменялись взглядами: Клэр любила беспокоиться по пустякам.

– Готовы? – спросила она.

Джонатан кивнул.

– Отлично. Алфи, Снежка, мы едем гулять, а вы оставайтесь здесь и ведите себя прилично, – конец фразы он произнес, глядя на меня.

– Мяу! – возмутился я.

– Заднюю дверь запереть или можно так оставить? – спросил Тим. Он принес сумки и стал складывать их в машину.

– Можно и оставить, тут никто особенно не ходит, – сказал Джонатан.

– До чего же это здорово! На Эдгар-Роуд такой номер бы не прошел, – сказала Карен. Они с Тимом переглянулись. Может быть, они, как Снежка, вспомнили, где жили раньше; иногда я заставал свою подружку в задумчивости и знал, что она грустит о старом доме, пусть даже сейчас ей хорошо. Это чувство было мне знакомо: я и сам порой вспоминал свой первый дом. Никогда его не забуду при всей моей любви к нынешним семьям. В конце концов, грустить о прошлом не так уж плохо. Конечно, это значит, что мы что-то или кого-то потеряли, но в то же время доказывает, как оно было нам дорого. Не самое приятное чувство, но такова жизнь.

Сидя на каменных ступеньках у задней двери, мы наблюдали, как машины отъезжают от дома. Я был весь в предвкушении: теперь мы весь день сможем развлекаться сами по себе, в кои-то веки не тревожась о двуногих.

– Не хочешь немного изучить окрестности? – предложила Снежка.

– Вообще-то люди не велели уходить из сада, – ответил я. Не скрою, порой я веду себя неразумно, но потеряться в сельской местности точно не входило в мои планы. Так ведь можно и дорогу домой не найти!

– Да брось ты, не занудствуй. У меня прекрасно развито чувство направления! – Снежка игриво подтолкнула меня носом, понимая, что я сдамся.

А у меня не выходила из головы история, когда она потерялась по-настоящему и мне пришлось устроить спасательную экспедицию. Но напомнить об этом я не рискнул – не хотел ссориться со Снежкой и смотреть, как она дуется. Обижаться она умела мастерски!

– Ну ладно, идем.

Собственно говоря, что с нами могло случиться?

Мы впервые вышли из сада и направились на соседний луг. Мы бежали бок о бок, высокая трава щекотала лапы, вокруг гудели насекомые, а когда мы ушли еще дальше от дома, нам снова встретились куры. Эти вели себя вполне мирно, скребли когтями землю и кудахтали. Мы прошли мимо них крадучись, и я даже подобрался к одной совсем близко, желая показать, что не боюсь, хотя внутри трясясь, словно желе из кошачьих консервов.

Мы пересекли еще один луг и вскочили на ограду. Снежка увидела, как я морщусь, и участливо спросила:

– Лапы болят?

Когда-то давно я повредил задние лапы, и травма временами давала о себе знать, но в целом было терпимо.

– Все в порядке, не беспокойся, – сказал я и ловко соскочил с забора: пусть убедится, что я в форме. Потом, чувствуя растущую уверенность, побежал по лугу. Ветерок ласкал шерсть, солнце нежно пригревало. Я уже подумал, что начинаю привыкать к жизни за городом, как вдруг меня в этом жестоко разубедили.

– Му-у! – сказал сердитый голос.

Я взвизгнул и застыл на месте, глядя на чью-то возникшую из ниоткуда ногу. Запрокинув голову, я задрожал как осиновый лист: надо мной возвышался великан, и он был явно не рад нашей встрече. Он смотрел на меня темными глазищами и шумно дышал. Я снова вскрикнул.

Великан фыркнул – очень грозно фыркнул! Наверно, рассердился, что мы забрались на его луг. Он затопал ногами, сминая траву, и я представил, что будет, если попасть под такое копытище – раздавит на месте. Он замотал головой, потом продолжил на меня тарачиться: не иначе, готовился напасть. Я попытался отскочить, но налетел на Снежку и опять оказался перед страшным зверем.

Тот нагнул голову, снова громко засопел и стал хлестать длинным хвостом из стороны в сторону.

– Не бойся, Алфи. – Снежка встала рядом со мной, и великан при виде нее как будто немного успокоился. Она осторожно отвела меня на безопасное расстояние.

– Это всего-навсего бычок, – продолжала она. – Они большие, и я понимаю, что у них сердитый вид, но на самом деле они добрые.

Я никогда раньше не сталкивался так близко с быками и коровами. Ничего доброго я в нем не заметил.

– Но он же... он гигантский! – запинаясь, выговорил я, не в силах отвести взгляд от пятнистой черно-белой туши. Задние лапы у меня тряслись от страха. С невероятным облегчением я увидел, как бык отвернулся и принялся щипать траву, помахивая хвостом, словно про нас забыл.

– Они никого не обижают, – объяснила Снежка.

Да, про сельских животных мне явно не хватало знаний. Я с радостью последовал за ней подальше от грозного быка; по мне, такой мог обидеть кого угодно.

Остаток прогулки прошел спокойно, хотя я после знакомства с быком держался настороже. Но день все равно получился превосходный. Мы набегались по лугам, полюбовались на замечательные деревья, и никакие звери на нас больше не нападали; нам встретились только овцы, и одной из них, по-моему, понравилась Снежка. Обе были одинакового цвета, так что,

может, овца приняла ее за ягненка. Снежка рассказала, что овцы вообще умом не блещут, в отличие от кошек.

Вечером я лежал, свернувшись клубком, перед камином, и отдыхал после прогулки. Обычно я очень подвижный кот, но тут ужасно утомился. Наверно, на меня подействовал пресловутый свежий воздух – Клэр все время про него твердила и, похоже, была права.

Джонатан говорил, что глупо разводить огонь в такую теплую погоду, но Карен и Клэр настояли, дома-то у нас не было камина. Я не возражал: люблю, чтобы было жарче. Снежка ушла, наверно, в комнату к Дейзи, а я не заметил, как задремал. Меня разбудил негромкий разговор.

– Ты уверена? – раздался голос Карен. Я приоткрыл один глаз и увидел, что они с Клэр сидят на диване.

– Боюсь, что да.

Боится? Что за новости? Я-то думал, в моих семьях все в порядке.

– Бедная, как это грустно, я даже не знаю, что сказать, – сочувственно ответила Карен.

– Конечно, у нас есть Саммер, она прелесть, хоть и балованная. Но мне так хотелось еще ребеночка, и Джону тоже, а не получится. Наш врач посмотрел результаты анализов: похоже, что других детей у нас не будет, – голос у Клэр был грустный, но она не плакала.

Я тревожно наострил уши. Разговор мне не нравился. Я переживаю за всех своих людей, но за Клэр особенно: в прошлом ей выпало столько испытаний, что она легко впадает в отчаяние.

– С Саммер-то у вас все получилось, – сказала Карен.

– Наверно, это было чудо природы. Странно сказать: я просто с ума сходила, до того мне хотелось Саммер, а теперь мы полтора года стараемся, но я спокойна. Видимо, решила для себя, что раз у меня такая восхитительная дочка и, конечно, Джонатан, то нужно благодарить судьбу за то, что есть, и не страдать о невозможном.

– А про искусственное оплодотворение вы не думали?

– Я наводила справки, но там нужно колоть гормоны. Я боюсь, как они на меня подействуют. Нервы у меня не самые крепкие. Не говоря о том, что надежность не стопроцентная и все это стоит кучу денег. Нет, мне нельзя разваливаться, во-первых, надо растить Саммер, во-вторых, я вышла на работу. Сказать по правде, я бы с радостью усыновила малыша, но Джон не хочет.

– Усыновила бы?

– Да. У меня отец соцработник, и я с детства думала, как замечательно давать малышам дом. Много лет про это не вспоминала, но, когда мы выяснили, что своих детей иметь не сможем, я сразу подумала про усыновление. Джон, к сожалению, со мной не согласен.

Я весь обратился в слух. Естественно, я знал, что Клэр с Джонатаном хотят второго ребенка. Они много шептались за закрытыми дверями, но в нашей жизни все шло так гладко, что я не уделил их проблемам должного внимания. А может, слишком сильно увлекся Снежкой...

– Чего ты хочешь от мужчин, им непременно надо оставить потомству свои гены.

– Возможно. Но он передумает, вот увидишь. Мы так много можем дать ребенку, оставшемуся без семьи! Нужно только убедить Джона, что это хорошая идея.

– Тогда действуй классическим методом: пускай он считает, что сам захотел.

Они рассмеялись.

– Выпьем вина? – предложила Клэр.

– Давай, раз уж мы в отпуске.

Карен и Клэр стали пить вино, а я размышлял, как сильно Клэр изменилась к лучшему за время нашего знакомства. Была неприкаянная, разведенная, несчастная и в выпивке не знала меры; раньше подобная неудача выбила бы ее из колеи, а теперь она не сдавалась. Она стала

хозяйкой своей жизни. Мне было до того приятно это видеть, что я запрыгнул к ней на колени и потерся носом о ее ладонь, чтобы показать, как я ею горжусь.

– Алфи, ты мой хороший! – она поцеловала меня между ушами.

Я прижался к ней и подумал, что отпуск – все-таки неплохая вещь. Несмотря на злых быков.

Глава 3

С каждым днем отпуска мои чувства к Снежке крепи. Уезжая с Эдгар-Роуд – две машины багажа, в одной я в переноске, в другой она, – я бы не поверил, что можно влюбиться еще сильнее. Но я был не прав. Здесь, вдвоем, вдали от городских забот мы стали еще ближе.

Если бы кошки женились, как люди, я бы, не раздумывая, сделал Снежке предложение. Понятно, что так не бывает, но, когда, лежа перед камином, я поделился с ней своими мыслями, Снежка ответила, что в жизни не слышала ничего романтичнее. И мне пришла в голову идея. Будучи крайне педантичным котом, я любил все планировать. Раз уж мы впервые отдохали вместе – и отпуск вышел таким замечательным, что о большем кошкам и мечтать нельзя, – я просто обязан устроить что-нибудь такое, чтобы мы не скоро забыли эту неделю за городом.

Люди задумали поездку на пляж. Они набрали с собой гору еды и столько суетились, словно отправлялись не на полдня, а на месяц. Их отъезд означал, что мы со Снежкой снова останемся одни. Идеальный случай, чтобы воплотить в жизнь мою затею! Которая, надо сказать, требовала от меня смелости и решительности. Ведь я собирался подарить Снежке приключение! И был готов рискнуть, чтобы ее порадовать – и чтобы потом нам обоим было что вспомнить. Точный маршрут я разработать не успел: в прошлый раз мы не очень далеко отошли от дома и толком не изучили окрестности. Я прикинул, что можно пойти в сторону большой фермы – там наверняка будет много интересного.

Я поделился своими планами со Снежкой: выйдем из сада (хорошо бы коров-великанов по дороге не попалось) и зелеными лугами отправимся к большому холму. С вершины нам откроются виды, которыми так восхищались наши люди. По моим расчетам, если никуда не сворачивать, заблудиться мы не могли. Честно говоря, мысли о предстоящем приключении меня ничуть не пугали. Напротив, я ощущал приятное волнение.

– Алфи, отлично придумано! Но неужели ты перестал бояться коров и незнакомых мест?

– Я ничего не боюсь, – ответил я. Впрочем, не вполне искренне: с быками мне все-таки встречаться не хотелось.

Когда люди наконец расселись по машинам и уехали, мы со Снежкой закончили умываться и приготовились тоже выйти в путь. Лапы у меня зудели от нетерпения. День обещал стать восхитительным.

Мы пошли к ферме и поздоровались с курами, словно со старыми знакомыми. Те покивали и покудахтали, но не слишком нами заинтересовались. Не знаю, почему я их раньше боялся, они даже по-своему симпатичные. Мы немного посмотрели на них, затем пошли дальше. Скоро нам встретилось поле, трава на котором была невероятно зеленая и такая высокая, что в какой-то момент я потерял Снежку из виду.

– Мяв! – Она выскочила откуда-то сбоку, и я чуть не упал от неожиданности.

– Ты, конечно, великая прыгунья, но мы собирались гулять вдвоем, а не пугать друг друга, – заметил я, прилизывая шерсть.

– Алфи, не обижайся, я просто не удержалась. Никогда не видела такой высоченной травы. Тут замечательно! Побежали дальше.

Она пустилась вприпрыжку, я за ней. Мы бежали сквозь траву, стебли щекотали нам лапы, а потом поле закончилось, и мы выскочили на открытое пространство. Я весело оглядывался, решая, куда двинуться дальше.

– В ту сторону давай не пойдем, – чуть обеспокоенно сказала Снежка. – Помнишь овец? Мне кажется, одна меня хотела забрать себе.

– Да я бы ее даже близко не подпустил! – ответил я, встопорщив усы.

Мы потрусили через другой луг, и Снежка спросила:

– Алфи, а ты бы хотел поселиться за городом?

– Не знаю. Тут, конечно, славно... Но уж очень тихо. И зверье повсюду. Честно говоря, я не уверен: все-таки моя родная стихия – Лондон.

– А вот у меня вокруг старого дома был почти загород. Не совсем как здесь, больше всяких построек. Так сказать, золотая середина.

– Знаю, ты скучаешь по старому дому, – отозвался я, надеясь, что она услышит в моих словах только сочувствие и понимание. На самом деле в такие моменты я чувствовал себя немного уязвленным. Я не любил думать о ее прошлом. Звучит глупо, но, стоило мне представить, как она жила до нашего знакомства, я начинал ревновать.

– Скучаю, – вздохнула Снежка. – Но я бы ни за что не согласилась туда вернуться и расстаться с тобой, Алфи.

Глядя в ее ясные глаза, я почувствовал, что таю. Но насладиться мгновением не удалось: небо потемнело, над нами нависла большая туча.

– Ну вот! – воскликнул я. Капля дождя упала мне прямо на нос.

Откуда только взялась непогода? Минуту назад наши спины грело солнце.

Дождь заколотил по земле, и Снежка крикнула:

– Бежим отсюда!

Мы с ней одинаково не любили мокнуть. Она помчалась прочь, я следом; вскоре нам попало какое-то сооружение, и мы вбежали внутрь. Пол был засыпан соломой, она слегка колосась, но зато там было сухо.

– Нам повезло! – сказала Снежка. – Ливень разошелся не на шутку.

– Куда это мы попали?

– В какой-то сарай.

– Хрюк!

Мы обернулись и увидели, что на нас надвигаются жирные розовые свиньи. Круглые, пузатые, лишённые меха, они тяжело переваливались, сопели и выглядели не слишком приветливо. Их было пять. Они шагали неторопливо, но я почувствовал, что нам несдобровать.

– Дело плохо, – пробормотал я, и мы со Снежкой стали пятиться, пока не оказались в углу сарая.

– Кажется, они нам не рады, – пробормотала Снежка, совсем не добавляя мне смелости. – Я никогда не видела свиней так близко, но слышала про них всякое. Говорят, они готовы жрать все подряд.

– Не исключая нас.

Мы были в буквальном смысле загнаны в угол. Свиньи приближались, потряхивая ушами и тяжело впечатывая в пол темные копытца. Глаза у них были голодные. Снежка спряталась за мою спину. Все шло к тому, что нас съедят, если я не придумаю, как спастись – ведь это я должен защищать нас обоих.

Я набрал в грудь воздуха и постарался успокоиться, хотя страшилища надвигались.

– Они все-таки меньше, чем коровы. Проскочим у них между ног? – предложил я, сам испугавшись своих слов. К сожалению, ничего другого в голову не приходило.

– Можно попытаться, но ты только посмотри, какие туши. Они нас затопчут.

Снежка дрожала. Нам обоим было холодно и страшно. Совсем не так я представлял прогулку с любимой.

– Да, но что еще нам остается? – сказал я. – Они явно собираются нами пообедать!

Свиньи подошли совсем близко, медлить было нельзя. Я подтолкнул подругу и кинулся под ноги ближайшей зверюге, на бегу оглянувшись, чтобы проверить, идет ли Снежка за мной. Раздался грозный хрюк.

– Давай, Снежка, смелее! – подбодрил я.

Снежка не заставила себя ждать; она стрелой метнулась ко мне. Свиньи на секунду растерялись, потом пустились за нами, но, к счастью, оказались слишком грузными и неповоротливыми. Ловко прошмыгнув у них между ног, мы выскочили наружу – целые, невредимые и весьма довольные собой. Ливень к тому времени унялся, превратившись в моросящий дождь.

– Не будем его пережидать, пойдем домой? – спросил я.

– Давай, мне не хочется оставаться со свиньями.

– А раньше ты никаких деревенских зверей не боялась, – заметил я. Кажется, Снежка испугалась не меньше моего.

– Свиньи – другое дело. Я с ними прежде не сталкивалась, но слышала много нехорошего. – Глаза у нее тревожно блеснули.

– Да, они бы нас съели и не подавились. – Я повертел головой, пытаюсь сообразить, в какой стороне дом, и снова похолодел: – Снежка...

– Что случилось, Алфи? – она вылизывала из шерсти соломинку.

– Куда нам идти? – спросил я.

Снежка перестала вылизываться и подняла на меня глаза. Я в ответ мрачно уставился на нее. Я не имел ни малейшего представления, где мы.

– Кошмар. Мы так спешили спрятаться от дождя, что я даже не заметила, в какую сторону бегу, – воскликнула она.

Да что за бездарный день! Я снова огляделся, но вокруг, насколько хватало глаз, были только поля, одинаковые поля. Вот мы и потерялись.

Пока мы не решили, что делать дальше, я отвел Снежку к живой изгороди неподалеку. По крайней мере, там можно было укрыться от непогоды.

– Ну что, двинемся наугад? Авось выберемся, – с преувеличенной бодростью предложил я.

– Отличная идея, Алфи, – огрызнулась Снежка. – Обычно ты из любой переделки находишь выход, а тут предлагаешь пойти куда глаза глядят?

Конечно, она имела все основания быть недовольной, но на меня-то зачем шипеть? В конце концов, не я один виноват, что мы заблудились. Я забился поглубже в изгородь и вдруг наткнулся на что-то – вернее, на кого-то: передо мной сидел здоровенный драный котиче.

– М-м-р-р-р, – утробно заурчал он.

Я поздоровался: лучше быть вежливым с тем, кто крупнее тебя. Зато я всегда опрятен и слежу за собой, чего нельзя было сказать о полосатом незнакомце.

– Ты кто такой? – спросил он.

– Я Алфи, а это Снежка. Мы приехали с людьми в отпуск.

– Что ты врешь, кошки в отпуск не ездят, – он скривился, оскалил острые клыки, и мне показалось, что он сейчас бросится на нас. Хоть я и старался оставаться спокойным, уши сами собой прижались к голове, а хвост заходил из стороны в сторону. Я не драчливый кот, но подругу в обиду не дам.

– Да, обычно так не бывает, но мы тебя не обманываем, – сказала Снежка и шагнула вперед.

Полосатый взглянул на ее синие глаза и белую шерстку, тут же подобрался, расправил плечи и приветливо повел хвостом. По мне, так *слишком* приветливо.

– Как поживаешь? – ухмыльнувшись, спросил он. – Будем знакомы: я Родди, живу здесь. Не думай, что я хам, просто к нам приезжие кошки нечасто заглядывают.

Он моргнул Снежке – по человеческим меркам это все равно что послать воздушный поцелуй. Надо же, какая наглость.

– А мы живем в Лондоне, – заносчиво ответил я.

Некоторые люди не верят, что кошки умеют флиртовать. Ха, посмотрели бы вы на этого Родди! Как он вытянул лапы, как обернул себя хвостом! Я успокаивал себя мыслью, что до красавца ему далеко, слишком он крупный и лохматый. А я вот часто удостаивался комплиментов за серо-голубую масть и подтянутую фигуру. В своей внешности я не сомневался, да и в постоянство Снежки верил, так что тревожиться было не о чем.

– В Лондоне? Ну-ну, чего не бывает на свете, – Родди глядел прямо на Снежку.

– Но вот беда: мы слегка заблудились, – ответила она смущенно, хотя мне ее смущение показалось немного наигранным. – Искали, где укрыться от дождя, попали в сарай с невоспитанными свиньями, едва выбрались, а теперь не понимаем, в какой стороне дом.

Она склонила головку набок, и я понял, что у Родди нет шансов.

– А вы где живете? – спросил он, выпячивая грудь. – Я местность знаю, как свои четыре лапы.

– В большом доме, – сказал я. Мне не нравилось, как складывается беседа, но похоже было, что просить о помощи больше некого.

– И сразу все понятно, – съязвил он.

– Вот послушай, Родди, – замурлыкала Снежка и вытянула лапы, – дом недалеко от фермы, за забором возле сада живут куры, а прямо напротив луг с коровами.

– А, знаю такой. Ладно, городские, топайте за мной, я вас в два счета туда отведу.

Мы немного промокли и устали от пережитого, но Родди благополучно вывел нас к дому. Всю дорогу полосатый удивлялся, что хозяйева взяли нас в отпуск. Мы простились у дверей. Я на радостях даже вежливо его поблагодарил, хоть и по-прежнему сердился, что он увивается возле моей подружки.

Люди еще не вернулись, камин не горел, но перед ним было тепло, и мы устроились на коврик сохнуть. Я подумал, что поскольку романтическую прогулку затеял я, то и ответственность за провал лежит на мне.

– Прости, что день не удался, – сказал я и зарылся носом в шею Снежки.

– А ты прости, что нагубила. Это все от страха. И ты меня выручил, как всегда, – ответила она и тоже потерлась об меня носом.

– Вообще нас выручил Родди, – заметил я.

– Ну и пусть, все равно мой герой ты, а не он.

Ничто не могло меня порадовать сильнее этих слов.

Дверь открылась, и в гостиную вошли наши люди, мокрые до нитки.

– Надо разжечь огонь и переодеться в сухое, пока мы все не простудились, – сказала Карен.

– Вы только посмотрите на них! Полеживают себе в тепле, а нас чуть не смыло на пляже! – добавил Джон, накладывая в камин растопку.

Мы со Снежкой переглянулись, жмурясь от тепла, и усмехнулись в усы. Если б они только знали!

Глава 4

– Надеюсь, вы тут не сильно соскучились, ребята, – сказал Джонатан за завтраком в предпоследний день отпуска.

– Нет. Было клёво, – коротко ответил Кристофер.

Собеседник из него не ахти, но, насколько я понимаю, мальчишки-подростки в основном так и разговаривают.

– Мне понравилось бездельничать, – сказала Дейзи. – Если все пойдет по плану, я успею наработать, когда приедем обратно.

– Полли говорит, что ты станешь следующей Кейт Мосс, – сказала Клэр.

– Мне бы хоть капельку ее успеха, вот было бы счастье, – рассмеялась Дейзи.

Я подумал, что она не понимает всей силы своего очарования, точь-в-точь как Снежка. Когда мы только познакомились, она сторонилась других кошек с Эдгар-Роуд, но вовсе не потому, что считала себя красавицей. Даже сейчас она не замечала, как на нее смотрят кошки и люди. Коты вроде Родди при виде нее захлебывались слюной. И я, признаюсь, от них недалеко ушел.

– Чем займемся сегодня? – спросила Карен, намазывая маслом гренку.

– Для разнообразия можно никуда не ездить. Погуляем по окрестностям, а потом пообедаем дома! – предложил Тим.

– Хорошая мысль, – сказала Клэр и попыталась сунуть ложку каши в рот Саммер, но та стиснула челюсти.

– Гьенка! – крикнула Саммер, когда мама сдалась и опустила ложку.

Клэр страдальчески вздохнула, а Джонатан снисходительно рассмеялся.

– Хоть бы поскорее научилась говорить «кашка» или «яблочко», – сказала Клэр.

– Моя дочь знает, чего хочет, – ответил Джонатан. – Вся в меня.

Клэр его шутливо стукнула:

– Значит, плохи мои дела!

– Я пойду за компьютер, – скромно сказал Кристофер. Он тоже был весь в отца, если я правильно понял это выражение, и делал что-то очень умное с компьютерными программами.

– Слушай, Клэр, ты ведь никак книжку не дочитаешь. Давай я после завтрака покажу Саммер ферму. Она любит животных, а тебя никто не будет отвлекать от чтения, – сказал Джонатан и поцеловал ее в щеку.

– Боже, вот почему я вышла за тебя замуж.

– Джон, я пойду с тобой, – сказала Карен, и Тим согласно кивнул.

Я посмотрел на Снежку: значит, мы снова останемся вдвоем. Может, предложить ей романтическую прогулку по саду? После недавнего приключения мы не отходили далеко от дома: я потерял желание изучать окрестности.

Некоторое время мы со Снежкой провели в саду возле шезлонга, в котором читала Клэр. Крис был в доме, Дейзи на пробежке, остальные ушли гулять. Ближе к полудню мы решили проведать кур, которых я совсем перестал бояться и даже поприветствовал кивком – они закивали в ответ. Теперь-то я понимал, что они ничуть не страшные. Но в свою защиту скажу, что я всю жизнь прожил в Лондоне, а это все-таки не лучшее место для знакомства с разными зверями и птицами.

– Как жизнь, городские? – Из-за забора, за которым прохаживались куры, вдруг выскочил полосатый котяра.

– Привет, Родди, – сказала Снежка.

– Еще раз спасибо за то, что выручил нас. – Я решил быть вежливым.

– Всегда пожалуйста, – самодовольно встопорщил усы он. – Что подельваете?

– Да вот решили прогуляться в последний раз. Завтра мы уезжаем, – добродушно объяснил я.

Мне определенно нравилось в деревне, но я успел соскучиться по Лондону, точнее, по друзьям (особенно по Тигрице) и по остальным моим людям. Суеты, движения и постоянного шума мне тоже не хватало. Здесь по ночам было тихо до жути, а дома я слушал машины, голоса и иногда сирены. К тишине было не так просто привыкнуть.

– Хотите, покажу вам свое любимое место? – предложил Родди.

– А что там? – спросила Снежка.

– Увидишь, красotka. Ну, пошли со мной.

Он сорвался с места, и мы припустили за ним. Пока мы мчались по лугу – к счастью, быки ушли в другое место, – я вновь поразился, как же прекрасно за городом пахнет. И полной грудью вдохнул свежий воздух. Хорошо, что мы решили напоследок выбраться за пределы сада. А раз уж с нами Родди, то бояться нечего. Во всяком случае, мне очень хотелось так думать.

Мы бежали по знакомым местам, мимо луга, где в прошлый раз встретили громадного быка. Сейчас там паслось несколько коров, но они увлеченно щипали траву на другом конце поля и не обратили на нас внимания.

– Давайте шевелите лапами! – поторопил нас Родди.

Наконец дорогу нам преградил ручей. Мы со Снежкой озадаченно переглянулись.

– Не люблю воду, – признался я.

– Кто ж ее любит, Алфи? Но вон там есть мостик. Пошли!

Родди провел нас по маленькому деревянному мосту и остановился. Я посмотрел вокруг: мы оказались на опушке леса, деревья подступали к нам со всех сторон. Запутавшиеся в кронах лучи отражались от листьев и соскакивали на траву солнечными зайчиками. У меня дух захватило от такой красоты.

– Лес! – воскликнула Снежка.

– Ага. Мой лес, – горделиво ответил Родди, хотя я подозревал, что он лукавит.

– Как тут красиво, – сказал я и не преминул сделать комплимент Снежке: – Под стать тебе, милая.

Я ткнул ее носом, она смущенно заулыбалась и встопорщила усы.

– Чем-то похоже на то место, где я жила раньше, – поделилась Снежка. – За нашим садом раскинулся большой лес. Я там гонялась за белками, но белки злые. Думали, что я хочу забрать у них орехи.

– Понятно, почему ты скучаешь по старому дому, – вздохнул я. При всей моей любви к Эдгар-Роуд и Лондону это место мне тоже казалось красивым.

Мы стояли у корней большого дерева. Родди сказал, что с его верхушки открывается роскошный вид. Снежка вопросительно на меня посмотрела и шагнула вперед; я помотал головой. Я уже пару раз застревал на деревьях, и хозяевам приходилось меня снимать. Так что нет, спа-

сибо, как-нибудь обойдусь без этих сомнительных удовольствий. Я остался внизу и смотрел, как Родди со Снежкой взбираются выше и выше. Признаюсь, я немного жалел, что не отважился к ним присоединиться. Но все-таки на твердой земле мне было спокойнее, а чтобы не скучать, я играл с листьями.

Через некоторое время я с облегчением заметил, что Снежка спускается вниз.

– Ну что, идем обратно, пока вас не начали искать, – сказал Родди и пустился трусцой.

Обратно мы отправились другой дорогой. Теплый ветер, солнце, мягкая трава под лапами привели меня в чудесное расположение духа, и я принялся дурачиться: развернулся и пошел хвостом вперед.

– Что ты вытворяешь? – спросила Снежка, шевеля усами.

– Хожу задом наперед!

Чтобы покрасоваться, я попробовал перейти на бег. Это оказалось неожиданно сложно; по правде, я впервые в жизни вытворял такое. В результате зацепился одной лапой за другую, не удержал равновесие – и самым обидным образом шлепнулся. К счастью, на что-то мягкое. Впрочем, радовался я недолго.

Беспокойно мякнув, я сморщил нос. Что за мерзкий запах? Я встал, хотел отойти подальше и обнаружил, что бегаю кругами, потому что пахло повсюду. Я услышал, как хохочет Родди, и увидел, что Снежка прикрывает мордочку лапой.

– Что смешного? – спросил я.

– Ты сел в коровью лепешку! – воскликнула она.

Я посмотрел на землю: так вот что смягчило мое падение! Громадная лепешка, под стать громадному быку. Я весь вымазался в навозе. Приуныв, я поплелся домой; впереди меня ждало неизбежное купание. Ненавижу принимать ванну, вообще не люблю воду, даже дождь, а про лужи и говорить нечего. Но тут уж никуда не денешься.

Перед домом мы расстались с Родди.

– Повезло тебе, – сказал он мне и кивнул на Снежку; та кокетливо мурлыкнула в ответ.

– Это точно, она чудо. А тебе большое спасибо, – я тепло попрощался с нашим полосатым знакомым.

Покрытый навозом, я не осмелился сунуться в дом.

– Можешь пойти и помяукать погромче, чтобы кто-нибудь вышел сюда? – попросил я Снежку. Пусть я и не люблю купаться, уж лучше ванна, чем эта грязь и жуткий запах.

Снежка убежала в дом и пропала. Мне показалось, что я прождал под дверью почти час, прежде чем она вернулась с Клэр. Меня уже начало мутить от вони: еще одна причина держаться подальше от коров.

– В чем дело? Снежка так размяукалась, я подумала, что-то случилось, – сказала Клэр, пригляделась ко мне повнимательнее и ахнула: – Батюшки, Алфи, в чем ты извалялся?

Я обиженно мякнул. Неужели она думает, что я специально полез в навоз? Клэр завернула меня в полотенце и на вытянутых руках отнесла в ванную. Судя по выражению мордочки, Снежку происходящее забавляло. Что ж, я ей это припомню!

Клэр набрала в ванну немного воды, ворча, как от меня воняет. Я сидел смирно, понимая, что в моем положении лучше не дергаться. Клэр аккуратно опустила меня в воду; я изо всех сил старался держать себя в лапах, но плавать в горячей воде было невыносимо, и я забарахтался. Я даже не знал, что противнее: ванна или вонь. Хотя нет, все-таки вонь противнее.

– Алфи, не дергайся, – сердито сказала Клэр, но я не мог спокойно сидеть в воде. Мытье продолжалось бесконечно долго, потом Клэр бережно меня вынула и вытерла.

– Пойди ляг перед камином, согреешься и обсохнешь, – сказала она.

Меня не надо было упрашивать: я бегом выскочил из ванной.

Свернувшись у огня, я подождал, пока ко мне присоединится Снежка.

– Теперь ты пахнешь не так жутко, – сказала она и уткнулась мне в шею.

– Когда мы уедем отсюда, я много по чему буду скучать, но больше всего – по камину, – признался я и зевнул.

Насыщенный выдался день! Я закрыл глаза и приготовился смотреть сны про сардины.

Вскоре меня разбудили голоса. Сонно моргнув, я поднял голову и обнаружил, что в гостиной собрались все.

– Даже не верится, что мы завтра уезжаем, – сказал Джонатан.

Я закрыл глаза и опустил голову на лапы. Джонатан сидел, развалившись на диване. Голос у него был мягкий, без обычного напряжения. Он явно хорошо отдохнул.

– Но все равно отпуск получился неплохой, – отозвался Тим.

– Меня беспокоит, как Алфи это перенесет, – произнесла Клэр.

Я наострил уши. Снежка рядом со мной трогательно посапывала во сне. Другие говорили, что она храпит, а для меня это было музыкой.

– И Снежка тоже, – добавила Карен. – Так странно, я и не знала, что кошки привязываются друг к другу. Считается, что они одиночки и уж точно не образуют пары на всю жизнь.

– Как лангусты, – сказал Тим.

– Кто? – переспросил Джонатан. Я решительно не мог уследить за ходом разговора.

– Лангусты образуют пары на всю жизнь, – объяснил Тим.

– Да вы посмотрите, – грустно сказала Клэр, – как они друг к другу прижались. Нет сомнений, что у них любовь.

– Я уже чувствую себя злодеем, – сказал Тим. – Сначала сделал несчастной свою семью, а теперь кошку.

– Может, еще ничего не будет, – заметила Карен.

Я легонько пихнул Снежку, но она спала крепко. Я не понимал, о чем говорят люди, но меня вдруг мороз пробрал.

– Рушить чужое счастье нехорошо, – сказала Клэр.

– Может, ничего не будет, – повторила Карен, своим тоном ставя точку в разговоре.

Что они обсуждали? Неужели меня и Снежку ждет что-то плохое? Я попытался выбросить это из головы, но это было не так-то просто.

Когда люди ушли ужинать, а Джонатан отправился укладывать Саммер, я наконец-то смог поговорить со Снежкой.

– Пока ты спала, я подслушал странный разговор. Мне показалось, что он касается нас. Как будто с нами скоро случится что-то нехорошее. Не знаешь, что люди могли иметь в виду?

Снежка посмотрела на меня прозрачными голубыми глазами:

– Ты о чем? – голос у нее был растерянный, она явно ничего не знала.

– Тим сказал, что не хочет делать свою кошку несчастной, а Карен – что, может, ничего не будет. Я не понял, чего именно, но мне это не нравится.

– Алфи, ты говоришь загадками! Я представления не имею, о чем ты. Вечно тебе нейдет. – Снежка зевнула и потянулась.

Ее ничуть не беспокоили мои слова, а я не мог избавиться от дурного предчувствия.

– Как скажешь, только давай держать ушки на макушке.

– Обязательно, Алфи. Я люблю тебя, и мне приятно, что ты за нас переживаешь, но почему бы не подумать о том, как мы замечательно провели отпуск?

Возразить было нечего.

Глава 5

Дома я внезапно затосковал. Люди говорили, что после отпуска это обычное дело. Сначала я обрадовался, что мы вернулись: повидался с Тигрицей и другими приятелями, навещил остальных своих двуногих на Эдгар-Роуд. Все было прекрасно, но... Но меня не покидало недовольство. Мне не нравилось, что нельзя проводить со Снежкой круглые сутки; мы по-прежнему встречались, но гораздо реже, чем за городом. Скучал я и по сельским тропинкам, по свежему воздуху, по романтике, по камину, перед которым мы дремали... Даже по курам. Вдобавок в Лондоне с самого нашего возвращения шли дожди, поэтому большую часть времени я сидел дома, и на душе у меня была такая же хмарь, как и на улице. Я не знал, куда себя деть.

К тому же я не переставал думать о странном разговоре, подслушанном в последний день отпуска. Больше люди этой темы не касались, и мне оставалось только мучиться догадками. Мы со Снежкой держались настороже, но не заметили ничего подозрительного. Да, люди время от времени о чем-то шептались, но они всегда так делают, верно? Скорее всего, Снежка была права, мне стоило выбросить это из головы и перестать волноваться. Зря я себя накручивал... Но я почему-то не мог успокоиться. Я уговаривал себя, что нервы мне расшатала послеотпускная тоска, и только.

Как-то раз я сидел на подоконнике в гостиной и увидел, как человек что-то клеит на фонарный столб у соседнего дома. Вскоре после этого у нашего крыльца появилась Тигрица. Я побежал на кухню, выскользнул на задний двор через кошачью дверцу и поспешил к ней. При виде приятельницы на душе сразу стало легче.

– Привет, Алфи, – сказала Тигрица, слегка запыхавшись.

– Что происходит? – поинтересовался я.

Она кивнула на фонарный столб, и я увидел на нем фотографию полосатого кота и какие-то слова. Прочсть я их, естественно, не мог: кошки не умеют читать.

– Что это? – спросил я.

– Понятия не имею, но пока тебя не было, такие наклеили еще на два столба. Все наши никак в толк не возьмут, зачем это.

– Я тоже не понимаю, – я задумался. – Пойдем к остальным, вдруг кто-нибудь знает.

Противный червячок грыз меня изнутри. Пробегая по улице, мы заметили фотографии незнакомых кошек еще на двух столбах.

– Только эти, других нет? – спросил я Тигрицу.

– Да. Правда, странно?

На своем обычном месте мы застали Элвиса и Нелли. Они сидели не на мокрой траве, а на бетонном тротуаре, где было чуть посуше.

- У нас есть новости, – сверкнула глазами Тигрица.
- Какие? – встрепелась Нелли, как всегда жадная до сплетен.
- На столб наклеили еще один кошачий портрет.
- Опять? К чему бы это? – спросил Элвис.
- Не знаю, – сказал я, – но мне что-то не нравится.
- Все это очень подозрительно, – кивнула Тигрица. – Думаю, нам следует быть бдительными.

Мы замолчали, и тут подошел Лосось, наш общий недруг.

- Может, он знает, – прошипела Нелли, хотя никому из нас не хотелось его спрашивать.
- Что это вы тут затеваете? – спросил Лосось, подозрительно шурясь. Его хвост ходил ходуном. Лосось был злока, каких мало, и не упускал возможности нас обидеть.
- Мы просто болтаем. Ты ни с кем не дружишь, тебе не понять, – ответила Тигрица. Она единственная из нас не боялась Лосося.

– Жуть как смешно, Тигрица.

– Лосось, – быстро вмешался Элвис, – только что повесили еще одну кошачью фотографию. Ты не знаешь, зачем они?

Лосось снова дернул хвостом:

- Конечно, знаю, вот только вам не скажу.
- Иными словами, ничего ты не знаешь, – хмыкнул я.
- Помолчал бы! Если кто тут ничего не знает, так это ты, – прошипел он. – Лучше бы сбегал к своей подружке и поинтересовался, как у нее дела.
- К чему ты клонишь? – рассердился я. С какой стати он приплел Снежку?
- Ее хозяйка только что говорили с моими. Не стану вдаваться в подробности, но не завидую я вам, ребята, – он самодовольно облизнулся.
- Лосось, немедленно объясни, иначе я...
- Иначе ты что? Натравишь на меня подружку? – он расхохотался и убежал, не дав мне ответить.

– На что это он намекает? – спросила Нелли.

Друзья озабоченно посмотрели на меня, а я почувствовал, как тоскливо засосало под ложечкой. Все-таки не зря я беспокоился. Надо поскорее найти Снежку.

Снежка ждала меня у крыльца. Я с первого взгляда понял, что все ужасно.

- Беда, Алфи, – сказала она.
 - Мы что-то натворили? – спросил я. За мной водились разные проделки, но в последнее время я вроде бы вел себя прилично.
 - Нет. – Снежка забралась под куст. Тот еще не высох после дождя, но у Снежки был такой серьезный вид, что я не стал ворчать. – Другая беда. Помнишь, ты подслушал разговор? Так вот, правильно ты беспокоился.
 - Погоди, Снежка, я ничего не понимаю.
 - Вчера Тим и Карен говорили с Дейзи и Кристофером. Похоже, Тиму предложили очень хорошую работу. Мы уезжаем.
 - Уезжаете? – переспросил я, холодея до кончиков когтей.
- Когда семейство Снеллов поселилось на Эдгар-Роуд, дела у них были чудовищно плохи. Мне пришлось изрядно потрудиться, прежде чем они сдружились с соседями. Значит, все мои старания насмарку?..
- Самый ужас, что работа в графстве Чешир, – мрачно сказала Снежка.
 - А где этот Чешир, далеко? – спросил я, заранее страшась ответа.

– Да, полдня езды. Кристофера отдадут в другую школу. Он не против, Дейзи все равно: у нее по работе и так сплошные поездки, а в Лондоне она сможет останавливаться у подружек. А моего согласия никто, естественно, не спрашивает.

– Еще бы. Люди такие эгоисты! погоди, что же получается? Тебя заберут с Эдгар-Роуд? Я так вытаращил глаза, что они чуть не выскочили из орбит. Лосось не врал.

– Похоже на то. Только я не знаю когда.

Вид у Снежки был донельзя печальный. Я запаниковал: неужели ее в самом деле увезут? А как же наша любовь? Отпуск, который мы так чудесно провели вместе? Мне было хорошо известно, что люди живут по другим правилам, чем кошки, но не могли же они обойтись с нами так жестоко. Я отказывался в это верить. Это какая-то ошибка.

Остаток дня мы со Снежкой грустили.

– Не хочу домой, – сказала она.

Моя подруга была сердита и растеряна, я тоже. Я старался ее подбодрить, но мало что мог сделать, особенно если учесть одолевавшую меня послеотпускную тоску. Я отвел Снежку к себе домой, и мы, печальные, встревоженные, устроились в моей корзинке, которая стояла в гостиной. Наверно, мы задремали, потому что, когда проснулись, вокруг собрались Клэр, Джонатан, Саммер, Тим и Карен.

– Словно чувствуют, что их разлучат, – сказала Клэр, грустно глядя на нас.

– Алфи очень умный, – заметил Джонатан.

– Откуда им знать? Они же кошки, – сказал Тим.

– Мяу, – возразил я.

– Вот видишь, – невесело улыбнулся Джонатан. – Он все понимает.

Снежка сердито посмотрела на хозяев и уселась рядом со мной. Сна не было ни в одном глазу.

– А может, – голос Карен звучал нерешительно, – может, ты им все подробно расскажешь? Как взрослым людям, в смысле, кошкам.

– В смысле? – спросил Тим. – Ты хочешь, чтобы я перед ними объяснялся?

– Мне кажется, это хорошая мысль, – согласилась Клэр.

– Давай, Тим, вперед, – подначил его Джонатан.

Судя по ухмылке, хозяина ситуация забавляла. Во всяком случае, мне так показалось. Я бросил на Джонатана укоризненный взгляд, и он смутился. Видимо, не совсем потерял совесть: разговор-то предстоял совсем не шуточный.

Тим откашлялся. Мы со Снежкой выжидающе посмотрели на него.

– Нам очень нравится жить на Эдгар-Роуд, у нас тут чудесные друзья. – Тим явно чувствовал себя не в своей тарелке. – Но решение переехать сюда было вынужденным, и, признаюсь, поначалу мы были от него не в восторге. А сейчас нам предстоит еще один сложный выбор. Снежка, Алфи, дело вот в чем: мне предложили работу мечты. Мы сможем снова купить дом, и моя семья будет жить в условиях, которые заслуживает.

Он слегка покраснел. Мы со Снежкой украдкой переглянулись. Я с трудом верил своим ушам – хоть меня уже предупредили о переезде, но слушать, как Тим лично это подтверждает, было тяжело. Я до последнего надеялся, что это лишь глупые сплетни.

– Нам было хорошо здесь, – продолжал Тим, – но мы посоветовались и поняли, что такой шанс упускать нельзя. Через несколько недель мы уезжаем. Честно говоря, решать пришлось очень быстро, – он посмотрел на нас, ожидая ответа, но мы не шевельнулись. Тогда он виновато добавил: – А вас разлучать я совсем не хотел.

– Алфи, это же не трагедия, – сказала Клэр и подхватила меня на руки. Но я-то знал, что трагедия. Я посмотрел на Снежку, которая сидела в моей корзинке, уже не грустная, но

возмущенная до глубины души, и почувствовал, что моя жизнь рушится. Во мне тоже всколыхнулась ярость: как они могут так с нами поступать?

Я задумался, не убежать ли – вернуться со Снежкой за город, где нам было так хорошо. Но я знал, что побега не будет. При всей любви я не готов был ради нее снова жить под забором. Да и своих дорогих людей мы бы не бросили, хоть сейчас на них и обиделись. Положение было совершенно безвыходное.

Хозяева принялись нас успокаивать, но я слышал только звон своего разбитого сердца.

Глава 6

День накануне отъезда наступил очень быстро. Уже завтра меня жестоко разлучат с любимой. С памятного разговора в гостиной прошло несколько недель, и с тех пор я не знал покоя. Мы со Снежкой старались как можно больше времени проводить вместе, но прежняя легкость ушла из наших отношений: мы знали, что скоро все закончится, и чувствовали себя скованно. Общество друг друга причиняло нам боль, а ведь мы знали, что боль расставания будет в сто-крат сильнее. Жизнь снова разлучала меня с близким существом, и разве по силам бедному коту такое вытерпеть?

Клэр со скорбным видом взяла меня на руки и поцеловала в макушку. Джонатан был мрачен и серьезен. Я слышал их разговоры: они искренне жалели нас со Снежкой и грустили, что потеряют добрых соседей по Эдгар-Роуд. Но у меня не оставалось душевных сил на то, чтобы им сочувствовать, я даже «мяу» не мог из себя выдавить: хотелось только свернуться на подстилке и молча плакать.

Разлуки – одна из самых мучительных вещей на свете. На мою короткую жизнь их выпало немало, но к такому невозможно привыкнуть. Кажется, никогда еще мне не было хуже, чем теперь.

Клэр последний раз отнесла меня к соседям проститься со Снежками и Снежкой. Дверь открыл Тим, все смущенно обнялись, и мы зашли в дом. Вещи были почти полностью уложены; при виде коробок я чуть не взвыл. Клэр бережно опустила меня на пол.

– Снежка в саду, она очень грустит, – сказала Карен и повела меня туда.

Я вышел в сад и сел рядом со Снежкой. Люди остались за дверью веранды, но я чувствовал, что они на нас смотрят. Несколько минут мы оба молчали.

– Вот, значит, и все, – вздохнула Снежка. Она встопорщила усы, но как-то уныло, без обычного задора.

– Я не знаю, что сказать, – ответил я. – Конечно, я мастер решать проблемы, но, боюсь, тут я ничего не могу поделать.

От грусти, что ее скоро увезут, у меня болела каждая шерстинка.

– А помнишь, как ужасно я обходилась с тобой, когда мы только познакомились? – спросила Снежка.

– Да уж, ты была настоящей Снежной королевой. Даже после того, как потерялась, а я тебя выручил, ты не сменила гнев на милость. Но я так просто не сдавался.

– И многому меня научил! Алфи, мне жутко не хочется уезжать, но, по крайней мере, я увезу много воспоминаний.

– Ты даже не представляешь, как тоскливо мне без тебя будет, – сказал я. Она склонила голову мне на загривок, и сердце мое сжалось так, что стало трудно дышать.

– Алфи, не приходи завтра меня провожать, иначе я не выдержу, – попросила Снежка. Ей было так же больно, как и мне.

– Я и сам бы вряд ли выдержал. Главное, помни: я буду любить тебя всю жизнь и никогда не забуду, – сказал я.

– Я тоже, – ее голос сорвался.

Мы просидели так, сколько хватило сил, а потом заставили себя оторваться друг от друга. Кошки не плачут слезами, но поверьте мне: мы оба рыдали.

Когда я припелся обратно в дом, то увидел, что у Джонатана, Клэр, Карен и Тима глаза тоже на мокром месте. Всех растрогал наш идеальный кошачий роман; если бы еще душа не так разрывалась...

Я сидел в саду и смотрел на громадный мебельный фургон. Обычно мне нравилось, когда приезжали фургоны, потому что с ними появлялись новые соседи, к которым я, приходящий кот, проявлял живейший интерес. Но сегодня я вылизывал серую шерсть и глядел на фургон с ненавистью: он заберет вещи Снеллов, а следом уедут и они сами, и моя милая Снежка. Кошмар, который навис над нами еще в отпуске, неотвратимо сбывался.

Я наблюдал за фургоном и не знал, как справиться с отчаяньем. Хотел отвернуться и уйти в дом, но оторваться не мог, замороженный и скованный ужасом.

Раздался шорох: под калитку протиснулась Тигрица, моя лучшая подруга. Она отличалась сварливым нравом и от Снежки поначалу была не в восторге, но со временем стала лучше к ней относиться. Две самые дорогие моему сердцу кошки поладили и почти подружились.

– Бедный, как тебя пришибло, – сказала Тигрица, едва взглянув на меня. Она никогда не утруждала себя тем, чтобы выбирать выражения.

– Вон, видишь, вещи грузят. Сегодня вечером уже никого не останется, – ответил я, чуть не подвывая от боли.

– Ох, Алфи, это просто ужасно. Даже не знаю, что сказать. Слушай, вы со Снежкой уже, наверно, попрощались, но разве ты не хочешь посмотреть на нее напоследок?

– Тигрица, наша жизнь превратилась в одно бесконечное прощание с тех пор, как мы узнали про переезд. Это невыносимо. Пусть лучше собаки загонят меня на дерево, чем я снова через это пройду. Вчера мы сказали друг другу все, что полагается. Я пообещал Снежке, что сегодня буду сидеть дома, но вот не смог.

– А давай я тебя отведу в парк? Побегаям за птицами, собак подразним, что захочешь, то и сделаем, – Тигрица похлопала меня лапой. – Я готова снимать тебя с деревьев.

Я понимал, что она хочет меня утешить, но глухая тоска продолжала грызть меня изнутри. Не верилось, что я больше не увижусь со Снежкой.

– Ладно, только не обещаю, что составлю тебе приятную компанию, – сдался я. – Скорее, моя компания будет на редкость отвратительной.

– Ничего, мне не привыкать, – ответила Тигрица с теплотой в голосе.

Я старался не думать про Снежку; Тигрица делала все, чтобы меня отвлечь, но душевная рана была слишком свежей. Подруга высматривала бабочек, рассказывала, как Нелли обо что-то споткнулась – она немного неуклюжая – и упала на Родди и какое уморительное якобы получилось зрелище. Она напомнила мне про фотографии на столбах и предложила поломать голову над этой загадкой, но меня ничто не интересовало.

Мне казалось, что я больше никогда не смогу радоваться. И все же я цеплялся за надежду, что боль постепенно утихнет. Я уже проходил через это. На своем веку я хлебнул достаточно горя и убедился, что время действительно лечит, пусть и не до конца. Восемь лет жизни сделали меня мудрым и многоопытным котом. Я знал, что любовь к Снежке и печаль, что нас раз-

лучили, останутся со мной навсегда, но будет не так плохо, как сейчас. Терять близких больно, но жизнь на этом не заканчивается.

– Тигрица, прости, что я такой скучный и унылый, – сказал я и улегся рядом с любимой клумбой. Мне на голову упал листик, я вяло его смахнул.

– Ничего страшного, я все понимаю. Помнишь, как Тома увезли?

Том, ворчливый котяра, одно время жил на нашей улице и считался ухажером Тигрицы, хотя я не замечал, чтобы он ей безумно нравился. Когда умер его хозяин, вся наша кошачья братия думала, как найти Тому новый дом, но его взяли к себе хозяйские родственники, и он с радостью к ним уехал. Тигрица немного погрустила, но у нее-то не было с Томом такой любви, как у нас со Снежкой. Она только ходила несколько дней злая как собака.

– Ты тогда зверски царапалась, – сказал я.

– Вот-вот. Я царапалась, ты тоскуешь, но суть одна и та же. А поскольку мы друзья, друзей в беде не бросают, даже когда с ними невесело. Так что страдай, рыдай, дуйся, да хоть разозлишься, я останусь рядом. Я всегда с тобой, Алфи.

– Спасибо, Тигрица. К твоему сведению, я ужасно рад, что у меня такой друг.

– Вот и замечательно. Тебе повезло, что меня никуда не увозят.

– Еще не хватало тебя потерять!

Внутри меня что-то надломилось. Я забился под ближайший куст, чтобы сохранить остатки гордости, и стал орать. Боль звучала в каждом моем вопле. Наконец я вылез, совершенно без сил и без голоса, чувствуя себя опустошенным.

Тигрица терпеливо ждала, пока я выплачу свое горе. Потом потрогала меня за лапу:

– Пойдем домой, Алфи.

Когда мы вернулись, фургона уже не было, машины Снеллов тоже. Они уехали. Тигрица проводила меня до черного хода, мы простились у кошачьей дверцы. Я пролез внутрь – даже это показалось мне утомительным, – и уныло зашагал на кухню. Там собрались Клэр, Джонатан, Саммер и Полли с Мэттом и детьми, Генри и Мартой. Они посмотрели на меня, и я прочел в их глазах сочувствие. Конечно, только у взрослых: дети возились на полу и не замечали, как я страдаю. В миске я увидел свое любимое лакомство – сардинки, но аппетита не было.

– Алфи, – сказала Клэр.

Я лишь обвел их грустным взглядом, не притронулся к еде и ушел наверх. Свернувшись на лежанке, я закрыл глаза, мечтая уснуть.

Глава 7

Я сидел на диване и уныло смотрел, как в окно светит солнце. С отъезда Снежки прошла неделя, и мне мучительно хотелось увидеть ее, поговорить с ней, услышать ее голос. На улицу я почти не выходил, даже к друзьям меня не тянуло. Я предпочитал лелеять свое разбитое сердце в одиночестве. Улыбка Саммер – и та не радовала, хоть я и старался не показывать девочке, что грущу, терпеливо позволяя себя тискать и даже дергать за хвост.

Вечером мы ждали в гости мое польское семейство: Франческу, большого Томаша, Алексея и маленького Томаша. Еще одна попытка меня расшевелить, это Клэр затеяла. Я бы постарался вести себя как раньше, хотя бы для того, чтобы люди не волновались. Они так переживали, но у меня не было сил притворяться, как будто от горя я и в самом деле заболел.

– Алфи?

Джонатан сел рядом, прервав мои грустные мысли. Я вяло ткнулся лбом ему в руку, на другие ласки меня не хватало.

– Вот что, дружок, – сказал он. На нем был рабочий костюм, к которому он обычно меня не подпускал, чтобы не налипла шерсть, а в руке он держал бутылку пива.

Если он рискует парадной одеждой, значит, дело серьезное. Я не устоял перед искушением и потерял голову о рукав пиджака. Хандра не хандра, но когда такое... Причем Джонатан даже не стал ругаться! Он отхлебнул пива, а потом с сосредоточенным видом поставил бутылку на кофейный столик.

– Я знаю, что тебе плохо, – сказал он с некоторым смущением. – Нам тоже очень жалко, что Снежку увезли. Мы видели, как вы привязались друг к другу. Но такая уж у людей жизнь: работа, жилье, учеба... Получилось так, что Снеллам пришлось переехать, а ты, бедняга, пострадал.

Джонатан замолчал и потянулся за бутылкой. Я смотрел на него и пытался понять, к чему он клонит.

– Да, с женщинами так бывает: сначала влюбляешься, потом теряешь. Но ты ведь еще можешь найти кого-нибудь, как я нашел Клэр, – он просиял, словно решил все мои проблемы.

– Мяу?!

Ах, он считает, что сам нашел Клэр! Разве не я ему преподнес ее на блюдечке? Я вспомнил, как, поселившись на Эдгар-Роуд, тщательно подталкивал их к знакомству, и раздраженно дернул ушами.

– Клэр замечательная, я люблю ее всей душой. Конечно, иногда с ней трудно, но по сравнению с тем, какие подружки у меня были раньше... Ужас, вспомню – вздрогну.

Я по-прежнему не понимал, о чем речь.

– В общем, суть в том, что тебе нужно встряхнуться и жить дальше. Прошвырниись по подворотням, как люди ходят по барам, поищи себе кошечек.

Серьезно? Джонатан посылает меня в подворотню?

– Потому что, – невозмутимо продолжал хозяин, – лучшее средство от несчастной любви – это общение. Не обязательно с серьезными намерениями! Пофлиртовать и развеяться тоже полезно. Наверняка у котов есть какие-то места для знакомств. У нас на улице, например, живет Тигрица. Она полосатая, но вполне симпатичная. Короче, ты должен почувствовать себя, что называется, снова на коне.

Джонатан с довольным видом допил пиво и поднялся. Я недоуменно смотрел на хозяина: он с ума сошел? На коне? При чем здесь Тигрица? У меня проблемы сердечные, а у Джонатана, видимо, с головой не все в порядке. Если бы я умел говорить по-человечески, то задал бы ему много вопросов. А так я просто опустил морду, еще более обессиленный, чем раньше.

В комнату вошла Клэр.

– Вот ты где, – она подошла к Джонатану, поцеловала его и спросила: – Ну как?

– Кажется, он уловил мою мысль, – сказал тот, а я свернулся клубком на диване.

– Думаешь? По-моему, вид у него еще грустный, – заметила Клэр.

– Ты слишком торопишься. Я сделал, как ты просила, у нас был кошачье-мужской разговор. Все наладится.

Они вышли из комнаты. На пороге Клэр обернулась и посмотрела на меня: слова мужа явно ее не убедили. Как и меня.

Впрочем, немного поспав, я все-таки почувствовал себя бодрее. Гости уже пришли, так что я оставил диван, желая поприветствовать своих остальных людей. Взрослые понимали и уважали мое горе, а вот с детьми мне приходилось держать лицо, точнее, морду. Особенно с Алексеем; он стал первым ребенком, с которым я подружился, и в свои без малого одиннадцать лет был крайне впечатлительным. Он бы расстроился, если бы догадался, что я грущу. Маленький Томаш, по росту уже догнавший старшего брата, был мальчиком крепким и подвижным. Чужие переживания его мало заботили. Дети Полли и Мэтта, пятилетний Генри и трехлетняя Марта, еще не доросли до того, чтобы мне сочувствовать. Я играл с ними – в основном гонял мяч или ловил ленточки, хотя это давалось мне непросто. Но когда я видел, как радуются мои друзья, и слышал их смех, сил немного прибавлялось.

Я старательно ласкался ко всем детям, особенно к Алексею; в их обществе мне становилось чуть легче. Приятно, когда все твои люди рядом, когда они тебя любят. На короткое время мне удалось чувствовать себя почти как раньше.

Мои двуногие часто ходили друг к другу в гости. Полли с Мэттом жили на нашей улице и любезно установили для меня дверцу, так что я мог заглядывать к ним, когда возникало желание. А возникало оно часто! Франческа и Томаш держали ресторан в нескольких улицах от нас, их квартира располагалась прямо над ним. Кормили там превосходно!

Кстати, о кормежке! Томаш принес из ресторана угощение для всех и сардинки специально для меня. Очень предусмотрительно с его стороны; перед сардинами я не мог устоять даже с нынешним плохим аппетитом. Я старался получать удовольствие от лакомства и от всего хорошего, что происходило в моей жизни, пусть это и было нелегко. Для меня сейчас все было нелегко, я будто увяз лапами в болоте.

– Как дела у Алфи? – спросила Франческа у Клэр.

Я все слышал; у них была манера в моем присутствии говорить так, как будто я их не понимаю. При младенцах они беседовали так же.

– Грустит. Он буквально раздавлен горем. Ест плохо, на улицу почти не выходит. Я понимаю, что это пройдет, но видеть его в таком состоянии тяжело. Сердце кровью обливается, – призналась Клэр. Она много читала, а последнее время увлеклась старыми любовными рома-

нами и стала еще сентиментальнее, чем обычно. – Бедного котика разлучили с любимой. Мы ведь понимаем, каково ему.

– Ничего, оклемается, – вмешался Джонатан. – Алфи настоящий мужик, скоро возьмет себя в руки.

– Типичный мужской взгляд на вещи, – хмыкнула Полли.

– А я думаю, что Джон прав. Подождите чуть-чуть, и Алфи придет в норму, – сказал Мэтт.

– Может, нам подержать его у себя пару дней? – предложил большой Томаш. – Вдруг смена обстановки пойдет ему на пользу.

– Неплохая мысль, – сказала Клэр. – Давайте в следующие выходные.

Я перестал есть и свернулся у ног Франчески, прижавшись к ней боком. Два дня в гостях не залечат мои душевные раны, но пожить у них будет неплохо. По крайней мере, не придется смотреть на пустой дом напротив. Мальчишки не дадут мне скучать, а еще там живет мой приятель – кот Бачок, названный в честь мусорных баков, возле которых он любит ошиваться. Впервые с тех пор, как увезли Снежку, я ощутил слабый проблеск надежды.

– Да, да, можно мы возьмем Алфи? – оживился Алексей.

Кажется, вопрос был решен: на выходные мне собирались устроить отдых от скорби.

Ночью, когда я представлял, как отправлюсь в гости, я услышал, что Джонатан и Клэр спорят. Споры у них получались забавные: с тех пор как родилась Саммер, они кричали друг на друга шепотом.

Мне это не понравилось. У меня хватало собственных забот, и совсем не было сил решать чужие проблемы. Подкравшись к двери спальни, я прислушался.

– Можно обратиться к другому врачу, – говорил Джонатан.

– И к третьему, и к четвертому. Джон, ты меня не слушаешь! Пора посмотреть фактам в лицо. Я смирилась, правда. Нам повезло с Саммер, но больше детей у нас не будет. Это грустно, я бы хотела родить тебе еще одного ребенка, но будем радоваться тому, что у нас есть дочка.

– Ну да, у нас есть Саммер и Алфи. Если ты не очень расстроилась, то и я переживу... В идеале мне бы, конечно, хотелось второго ребенка, но главное, чтобы наша семья – мы с тобой, Саммер и Алфи – были счастливы. Я тебя люблю.

У меня немного отлегло от сердца: кажется, они все-таки не ссорились.

– Только не беспокойся за меня, пожалуйста, я не собираюсь впадать в депрессию, как раньше, честное слово. Я огорчилась, но результаты анализов меня не удивили. По-моему, в глубине души я давно знала.

У Клэр случались приступы подавленности, и тогда мы все ужасно тревожились, но в последние годы для них требовалась серьезная причина. Моя хозяйка стала гораздо уравновешеннее; без сомнения, Джонатан и Саммер принесли в ее жизнь много радости. Они словно научили ее, что значит быть счастливой.

– Значит, все в порядке? Тогда о чем мы спорим?

– Не знаю, – Клэр села на кровать. – Джонатан, я не хочу, чтобы Саммер была единственным ребенком.

– Ты же смирилась с мыслью, что мы больше не можем иметь детей.

– Своих – нет, но кто нам мешает взять приемного? В мире столько детей нужна добрая, любящая семья. К тому же у нас большой дом и денег хватает...

– Не знаю, – в голосе Джонатана прозвучало сомнение.

– А почему нет?

– Потому.

Я отчетливо представил, как Джонатан упрямо скрестил руки на груди. Иногда он вел себя как ребенок.

– Почему «потому», милый? – Через неплотно закрытую дверь я увидел, что Клэр обняла его за плечи.

– Думаешь, это так просто? Взять в дом чужого ребенка – серьезное дело. Ты представляешь, сколько нас будут гонять по инстанциям? И нет никаких гарантий, что в результате что-нибудь получится.

– Но почему не получится, Джон? Я спрашивала у папы. Младенца, может, и не дадут, а для детей постарше сейчас очень нужны приемные родители. Мы не преступники, не психи... – она попыталась рассмеяться.

– Я не знаю. В смысле, насчет ребенка не знаю, а не про то, что мы не преступники. И не психи.

– Хорошо. Но ты не против, если я, по крайней мере, наведу справки? – жалобно спросила Клэр.

Джонатан вздохнул:

– Если тебе так хочется. Но я ничего не обещаю.

– Ты сам сказал, что гарантий нет. Я просто узнаю, что и как. Чтобы не мучиться сомнениями.

– Вот на новую даму для Алфи я бы согласился без проблем, – весело сказал Джонатан. Он часто пытался шутками уйти от неприятных разговоров. Сейчас у него, на мой взгляд, получилось не слишком остроумно.

– Джон, это не смешно, – словно соглашаясь со мной, сказала Клэр. – Хотя, если на то пошло...

– Я пошутил, – ответил он.

– Я догадалась. Ладно, давай спать.

Я убедился, что они улеглись обратно, и, успокоенный, вернулся на свое место. Сегодня все обошлось, ни о ком не надо переживать. Не считая, конечно, меня самого.

Глава 8

– И ты ни разу не влюблялся? – с удивлением спросил я.

Мы с Бачком сидели в небольшом дворике за рестораном Томаша и Франчески. Мой приятель работал у них на полставки – следил, чтобы мыши и крысы не позволяли себе слишком много. Он гордо именовал себя дикарем, никогда не жил в доме и не собирался. Мы с ним познакомились, когда я стал ходить сюда в гости. В моем окружении это был один из самых мудрых котов.

Выходные подходили к концу, и надо признаться, мне и правда стало намного лучше. Вернулся аппетит, я старательно наедал упущенное. Тем более что когда опустевший дом Снежки не маячил за окнами, отгонять грустные мысли было проще.

– Да вроде нет, – ответил Бачок, нюхая обрезки, которые ему вынес Томаш, и скалясь на дерзкую мышь, которая тоже заинтересовалась угощением. Бачок умел одновременно делать много дел. – Я вообще не компанейский кот. Люблю гулять сам по себе. С тобой приятно поболтать, кое с кем из местных можно иногда поохотиться вместе, но эта ваша любовь-морковь – спасибо, обойдусь.

– Но ведь любовь – это волшебное чувство! – воскликнул я.

Настроение у меня было самое поэтическое, даром что мы сидели у помойных баков в довольно неприглядном дворе. Никакого сравнения с деревней, куда мы недавно ездили. При мысли о деревне мне вспомнилось, как мы со Снежкой резвились в высокой траве, счастливые и беззаботные, и я тоскливо застонал.

– Дело хозяйское, вот только сейчас ты особо счастливым не выглядишь, – заметил Бачок, и мне нечего было возразить. – Я понимаю, что ты любил эту кошку, дружище. Помню, как она убежала, а мы ее спасали. Ты уже тогда в ней души не чаял. Безобразие, что вас разлучили.

– Спасибо, Бачок. Но знаешь, выходные в твоей компании определенно пошли мне на пользу. Чувствую себя гораздо бодрее.

– Вот-вот! Тебе полезно было выбраться из дома. Многие вещи лучше видятся на расстоянии. По крайней мере, когда у меня что-то не ладится, я иду бродяжничать. Обычно это здорово прочищает мозги.

– Пусть ты и не любил никого, но ты мудрый старый кот, – без тени лести сказал я. – А теперь мне пора: я думаю, что скоро меня отнесут обратно.

– Счастливо, Алфи. Да смотри, не пропадай надолго, раз у тебя теперь стало больше свободного времени. Может, я еще научу тебя охотиться! – Он улыбнулся всеми зубами.

– Это вряд ли. В смысле, я обязательно приду еще, но охотиться не буду, для меня это добром не кончается.

Я содрогнулся. В прошлый раз меня укусила бессовестная мышь, это был жуткий позор.

– Нет так нет, – покладисто ответил Бачок. – Значит, просто поболтаем. Ну, я пошел, а то здесь крыса завелась, такая наглая, думает, что может везде разгуливать. Пора ей показать, кто во дворе хозяин. Ты точно не хочешь сходить со мной?

– Звучит многообещающе, но я лучше воздержусь, – сказал я, пятясь к двери.

Да, выходные у Франчески и Томаша мне действительно помогли. Мы славно провели время с мальчишками: играли в футбол в парке, они на двух ногах, я на четырех. Меня постоянно угощали чем-нибудь вкусным. Франческа и Томаш и обычно-то не скупилась на заботу и ласку, но в эти дни были особенно добры и щедры, словно специально старались меня откормить. Я скучал без других своих людей, и прежде всего – без малышки Саммер, но, должен признать, это было самое веселое время с тех пор, как увезли Снежку. Конечно, я продолжал о ней грустить, но все-таки немного развеялся. Совсем забыть о своем горе я не мог, да и, пожалуй, не хотел – боль напоминала мне, как сильно я ее любил, и была своего рода утешением, хоть это и звучит нелогично.

Я вернулся в дом. Алексей и маленький Томаш играли в приставку, Франческа в кои-то веки не хлопотала по хозяйству, а сидела и пила чай. Большой Томаш за скромным обеденным столом составлял меню на следующую неделю. Настоящая семейная идиллия, подумал я.

– Ха-ха, я победил! – закричал Алексей и торжествующе взмахнул кулаком.

– Ты нечестно играл, – ответил маленький Томаш.

– Как нечестно, когда честно? – Алексей посмотрел на брата, а тот сердито отшвырнул приставку. Ну да, с идиллией я поторопился.

– Мальчишки, не ссорьтесь, – сказала Франческа. – Или заберу у вас приставку. И вообще, скоро нам провожать Алфи домой.

– А нельзя его еще оставить? – спросил Алексей и взял меня на руки. Маленький Томаш стал меня гладить. Ссора была забыта, а я терся о ребят и мурлыкал.

– К сожалению, нельзя. Когда вернемся, сядете за уроки, потому что завтра в школу.

Мальчишки недовольно зашумели, большой Томаш на них шикнул, а Франческа пошла за моими вещами. День выдался теплый, поэтому они решили отвести меня домой пешком. Увы, я еще не до конца восстановил силы и часть пути ехал на руках. Я был рад, что большой Томаш пронес меня мимо дома Снеллов; табличка «Сдается» у них во дворе неизменно нагоняла тоску. На душе было пусто, как в этом доме.

Мы остановились на крыльце, нам открыл Джонатан.

– Очень рад всех видеть, – сказал он. – Зайдете к нам?

– Только на полчаса, – ответила Франческа. – Ребятам надо делать уроки.

– Тогда я поставлю чайник, – обрадовался Джонатан.

Едва оказавшись внутри, я что-то почуял. В доме что-то изменилось, но я не мог понять, что именно. Когда большой Томаш спустил меня на пол в прихожей, я только укрепился в своих подозрениях.

– Батюшки! – донесся из кухни возглас Франчески.

Я не двигался с места и пытался понять, что случилось. Ребята остались со мной.

– Ничего себе! – воскликнул большой Томаш, заходя на кухню вслед за женой.

– Это была идея Клэр, – с долей недовольства ответил Джонатан. – И не могу сказать, что лучшая ее идея.

– Но какая прелесть! – сказала Франческа.

– Я ее отговаривал, но она уперлась, – простонал Джонатан. – Это же надо было додуматься!

Он явно был раздосадован. Что же произошло?

– Ты же сам предложил завести новую даму для Алфи, – наконец подала голос Клэр.

– Во-первых, я пошутил! А во-вторых, на такое я точно не подписывался.

Ну и дела! Я застыл на месте. Мне что, взяли новую подружку? С ума сойти можно, зато понятно, чей запах я унюхал. Правда, не совсем ясно, кошка это или кот, но определенно кто-то из наших. Еще одна кошка в доме! И как только Клэр до такого додумалась?..

– Но не могли же мы и в самом деле взять Алфи новую подружку! Надо уважать его чувства, – отрезала Клэр.

Но если это не кошка, тогда кто?

– Сомневаюсь, что Алфи придет в восторг, когда увидит *это*, – буркнул Джонатан.

– Не слушайте Джона! Когда я увидела на Фейсбуке объявление о продаже, то сразу поняла, что это судьба. Мы пошли на него посмотреть, – сказала Клэр.

На кого посмотреть?

– И успели как раз вовремя! Его собирались купить другие люди, даже внесли залог, но потом передумали, так что его можно было сразу забирать.

– А сколько ему? – спросил большой Томаш.

– Четырнадцать недель.

У меня шерсть встала дыбом.

– И правда, судьба, – согласилась Франческа. – Какой же он милый, просто чудо!

До меня донеслось тоненькое мяуканье.

– А где Алфи? – спросил Джонатан.

На подкашивающихся лапах я наконец зашел на кухню, где подтвердились мои самые большие опасения. Ну, может, не самые большие – все-таки людям хватило ума не заводить собаку! – но я все равно содрогнулся. Клэр держала в руках пушистый комочек, черно-рыжий, полосатый, с серыми глазами. Что она наделала!

– Алфи, котенок, – сказала Саммер, тыча пальцем в полосатое недоразумение.

– Это его котенок? – спросил Алексей и встал рядом со мной. – Прикольный какой, мне нравится!

Я смотрел на котенка, а котенок на меня. Что эта мелочь делает на моей кухне, в моем доме?..

– Ну, миленький, не бойся. Друзья, знакомьтесь, это Джордж, – радостно объявила Клэр. – Алфи, он твой малыш.

Глава 9

Клэр нагнулась и поднесла котенка к моему носу. Я словно прирос к полу: у меня – и вдруг котенок! Я ощутил подступающую волну паники. Джордж тем временем настороженно меня разглядывал. Он был невероятно маленьким и чем-то завораживал. Дети пришли в бурный восторг, а вот я не знал, что делать.

– Можно мне посмотреть? – спросил маленький Томаш.

Мне дали передышку: трое детей сгрудились вокруг Джорджа и стали по очереди его гладить. Он тихонько и очень трогательно мяукал, а я разрывался между двумя желаниями: взять его под опеку или сбежать.

Воспользовавшись тем, что внимание взрослых приковано к детям и котенку, я кинулся к задней двери. Глоток свежего воздуха, возможность успокоиться – вот в чем я отчаянно нуждался в тот момент. Я должен был проветрить голову, а потом вернуться и действовать, как потребуют обстоятельства. О чем Клэр только думала? Если я даже себе в тягость, куда мне еще Джорджа?

В такие минуты мне невольно казалось, что у Джонатана здравого смысла больше, чем у жены. Отчего Клэр возомнила, что котенок хоть как-то улучшит мою жизнь?

На улицу, скорее на улицу! Я собирался отыскать Тигрицу и рассказать ей про кошмарный сюрприз. Я разбежался и хотел проскочить в дверцу, но...

– Мяв!

Дверца, вопреки обыкновению, не поддавалась. Застигнутый врасплох, я ударился о нее и сел на хвост, тряся головой от боли.

– Ой, бедный Алфи, извини, – кинулась ко мне Клэр. – Мы заперли дверцу из-за Джорджа. Не волнуйся, это только до тех пор, пока не сможем выпустить его наружу.

Голос у нее был виноватый: все-таки она не окончательно потеряла совесть.

– А как же Алфи будет ходить на улицу? – спросил Алексей, вторя моим мыслям.

Он держал Джорджа на руках и гладил. В обычный день я бы обиделся, что все носятся с полосатым котенком, забыв, кто тут самый любимый, но сейчас у меня не хватало сил на зависть. Куда больше меня беспокоили ушибленная голова и отсутствие путей к отступлению.

– Не знаю, что-нибудь придумаем, – ответила Клэр. Судя по всему, раньше она об этом не задумывалась. – Будем открывать ему, если он встанет у двери, а когда захочет обратно, пускай мяукает погромче, чтобы мы услышали. Алфи ведь у нас умный котик.

Я задохнулся от негодования. Клэр говорила так, будто для нас это в порядке вещей. Я придерживался иного мнения, и Джонатан, кажется, тоже. Во всяком случае, он выразительно закатил глаза, а я пожалел, что так не умею. Значит, теперь я пленник в собственном доме. Мало мне всего, что на меня свалилось, так еще и свободу отняли.

– Тем более сегодня он весь день провел на улице. Алфи, ты должен остаться дома и подружиться с Джорджем, – сказала она.

Потрясающе. После таких славных выходных запереть меня с котенком. Конечно, с очаровательным, но все равно... Не этого я хотел, совсем не этого.

Но я чувствовал себя слишком вялым, чтобы возмущаться. К тому же я по-прежнему любил Клэр, хоть она и ухитрилась испортить мою и без того трагическую жизнь. Конечно, она хотела как лучше. Я услышал, как Франческа одобряет ее план, и даже большой Томаш, похоже, был согласен. Судя по всему, только мы с Джонатаном сомневались насчет Джорджа. Кстати, кто додумался так назвать котенка?

Мы проводили гостей; на прощание я потерялся мордой о мальчишек и подумал, что сегодня был бы рад уйти с ними. Утром у меня только и было забот, что поболтать с Бачком, поиграть с ребятами, поесть сардин, повздыхать о несчастной любви. А теперь... Теперь мне поручили котенка, а я представления не имел, как к нему подступиться.

Я пошел в гостиную, за мной вприпрыжку прибежала Саммер. Она сгребла меня в охапку и по обыкновению довольно сильно стиснула, но я знал, что она не нарочно, и стоически вытерпел ее ласку. Меня посетила мимолетная тревога за Джорджа: Саммер бережностью не отличается, а он такой маленький и хрупкий.

– Саммер, с Джорджем обращайся очень аккуратно, – словно в ответ на мои мысли сказала Клэр.

Мне сразу стало спокойнее. Клэр внесла Джорджа в комнату и посадила на пол. Он встал и на четырех лапах оказался не таким уж крошечным. Интересно, каким я был в его возрасте? Я помнил, как попал в первый дом, как мне было страшно, как сурово меня встретила Агнесс, старая кошка Маргарет. У меня ушло несколько недель на то, чтобы растопить ее сердце, но в итоге она привязалась ко мне как сестра. Больше в памяти ничего не сохранилось.

Джордж подошел ко мне, принялся, и я ласково на него посмотрел. Он-то ни в чем не виноват, он просто беззащитный котенок – мой беззащитный котенок, с ума сойти! Я тихонько тронул его носом; как можно обидеть это крохотное создание? А он посмотрел на меня своими глазами, дернул тоненьким хвостиком, и я понял, что должен о нем позаботиться. Котенок и правда был мой.

– Джонатан, смотри, смотри, Джордж уже очаровал Алфи. Я так и знала! – торжествующе воскликнула Клэр.

Джордж робко мяукнул. Агнесс постепенно сменила гнев на милость, но первое время я перед ней терялся. С Джорджем я так поступить не мог. Вообще ни с кем бы так не поступил, а с этим малышом особенно. Потому что я кот, а мы в основном более уживчивые, чем кошки. По крайней мере, я так считаю! Джордж шагнул ко мне, и тут подошла Саммер с ленточкой в руках. Джордж с упоением кинулся ее ловить.

Саммер смеялась, Джордж бегал за ленточкой, а Клэр, довольная, смотрела на нас. Даже я не удержался от улыбки.

– Я знала, что все получится, Джонатан. Чем больше детей, тем лучше. Любых детей, – многозначительно заметила она и поцеловала его в щеку.

Джонатан обнял ее в ответ, но ничего не сказал.

Вечером мы первый раз ужинали все вместе. Для Джорджа поставили отдельную миску, но он все время жадно заглядывал в мою.

– Привет, – ласково сказал я, когда люди не могли нас услышать.

– Привет, – тихонько пискнул он.

– Вот и твой первый ужин в этом доме. Надеюсь, тебе все нравится.

– Спасибо.

Его голосок дрогнул, и я подумал, что он, наверно, еле жив от страха; вид у него был перепуганный.

Джорджу давали особый корм для котят, поэтому мою еду нельзя было оставлять на полу, чтобы он за мной не доел. Клэр объяснила, что я должен съесть все сразу. Одно неудобство за другим! Как многие кошки, я предпочитал есть неторопливо и оставлять запас, а не вылизывать миску дочиста. Теперь же у меня было два варианта: доедать или голодать. Джордж нерешительно поел из своей миски; похоже, он и в самом деле был растерян. После ужина он пошел за мной в гостиную.

– Ты меня умоешь? – спросил он, когда я начал приводить себя в порядок.

– Еще чего? – опешил я. – Умывайся сам!

Джордж понуро опустил мордочку, и мне тут же стало стыдно, что я ему нагрубил. Я много сил и времени тратил на то, чтобы поддерживать шерсть в чистоте, но Джордж в этом был не виноват. Он снова посмотрел на меня, широко раскрыв глаза, и я слегка смягчился: невозможно устоять перед подобным обаянием.

– Мама всегда меня умывала, – произнес он так жалобно, что я чуть не завыл. – Хочу к маме.

Мне стоило большого труда сохранить самообладание. Бедный котенок впервые попал в незнакомый дом; все кошки через это проходят, но потребуется время, чтобы он освоился. Конечно, Джорджу повезло: он попал в заботливую семью. И все-таки ему предстояло нелегкое испытание. Я должен стать ему опорой. Слишком много я в последнее время думал о себе, пора подумать о ком-то еще. Например, о беспомощном котенке.

– Знаешь что? – сказал я куда ласковее. – Смотри на меня и повторяй. Так и сам научишься умываться.

Я стал медленно вылизываться, а котенок наблюдал.

Поздно вечером Клэр сказала, что идет спать, и сняла с колен спящего Джорджа. Он зевнул и заморгал. Я поднялся за ними наверх. Джорджу устроили постельку рядом с моей. Клэр положила его туда, а я забрался к себе, закрыл глаза и задремал.

Через некоторое время меня разбудило жалобное мяуканье. Я открыл глаза, наострил уши и увидел, что это Джордж рыдает в подстилку.

– Джордж, что случилось? – сонно спросил я.

– Хочу к маме! – закричал он, и мне стало его ужасно жалко. Я не помнил свою маму-кошку и знал, что Джордж свою тоже со временем забудет. Но сейчас он так горевал, что мое разбитое сердце заболело с новой силой.

– Понимаю тебя, – сказал я. – Очень больно расставаться с теми, кого любишь. Но теперь у тебя есть мы: я, Клэр, Джонатан, Саммер, а еще другие люди. Ты не пропадешь.

Бедного малыша надо было подбодрить, так что я постарался говорить уверенно. Я перебрался к нему, лег рядом и приобнял хвостом. Хочется верить, что получилось у меня по-родительски.

– Ты моя новая мама? – спросил он с надеждой.

– Нет, Джордж. Я кот, а мама – кошка.

– Значит, ты папа? – не унимался он.

– Нет. Ну, не совсем. Но можешь считать, что да, если тебе так нравится. А сейчас пора спать.

– Ладно, папа.

Джордж закрыл глаза, а я плотнее обхватил котенка, маленького и теплого. Мне захотелось во что бы то ни стало уберечь его от невзгод.

Вот так, нежданно-негаданно, я вдруг стал отцом.

Глава 10

– Ничего смешного, Тигрица, – сказал я на следующее утро, сердито размахивая хвостом, но она не унималась.

Мне удалось выйти на улицу, хотя в ту же секунду я начал тревожиться за Джорджа. Конечно, я переживал за своих людей, особенно за маленьких, но с котенком все обстояло по-другому: мне казалось, что я несу за него ббльшую ответственность.

Перед уходом я предупредил Джорджа, что мне надо отлучиться. Вряд ли он понял, о чем идет речь, но я заверил малыша, что все будет в порядке. Весь дрожа, Джордж потребовал пообещать, что я не задержусь надолго. У меня сердце сжалось при виде его печальной мордочки, и я постарался успокоить котенка. Впрочем, Клэр и Саммер были дома, так что я не оставлял его в одиночестве. Одного бы я Джорджа ни за что не бросил.

– Нет, это просто умора, – отсмеявшись, возразила Тигрица и махнула хвостом в ответ, когда я принялся рассказывать, как учил Джорджа пользоваться лотком. Накануне вечером Клэр пробовала сажать туда котенка, но каждый раз он в ужасе выскакивал обратно. Потом в лоток полезла малышка Саммер. Этого Клэр вынести не могла; хозяйка стала одновременно объяснять дочке, что к лотку нельзя приближаться, а Джорджу – что как раз туда он и должен залезть. Ох уж эти люди! Вечно все усложняют.

Поэтому, когда мы остались наедине, я рассказал Джорджу, зачем нужен лоток, почему отныне ему придется делать дела там и что это совсем не страшно. Дальше, к моему стыду, мне пришлось притвориться, что я сходил в лоток. Надо же было подать пример подрастающему поколению! И хотя утром Джордж не успел добежать до лотка, идею он с моей помощью почти уяснил.

– Только представлю, как ты показательно залез в лоток... – Тигрица не выдержала и снова прыснула со смеху.

– Ты только вдумайся: вчера я спокойно нянчился со своим разбитым сердцем, а сегодня у меня на попечении котенок. На улицу теперь надо проситься, в дом тоже, и какой я после этого приходящий кот?

Подруга сочувственно склонила голову:

– А когда Джорджа начнут выпускать наружу?

– Клэр сказала, через несколько недель. Сначала его надо зачем-то свозить к ветеринару. Не знаю зачем: я, как услышал про ветеринара, сразу зажал уши, – я содрогнулся.

– Похоже, ты успел к нему привязаться.

– Можно подумать, у меня был выбор, – с напускной сердитостью проворчал я. – Ты бы его видела, Тигрица! Он, между прочим, похож на тебя, только маленький. Такой очаровашка, когда вырастет, будет красивым котом. А до чего умный! Пользоваться лотком научился в два счета. А какие у него глазки, а усики! Вот бы поскорее тебя с ним познакомить...

– Алфи, да ты заговорил как счастливый отец. Того и гляди начнешь показывать фотографии, – улыбнулась Тигрица.

– Что за вздор, откуда я возьму фотографии? – фыркнул я, но понял, что она имеет в виду. Джордж меня покори́л, и я говорил о нем таким же тоном, каким Клэр рассказывала про Саммер, а Мэтт про своих детей. Похоже, я вжился в роль отца. И хотя рана на сердце еще не затянулась, с Джорджем было столько забот, что у меня почти не оставалось времени тосковать по милой Снежке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.